

Дождь начался незаметно.

Его тихий, унылый шорох тонул в беспросветном мраке ночи, навевая глухую тоску.

Фигура, сидевшая в углу, поднялась во весь рост — огромная, громоздкая, точно внезапно выросшее дерево. Тяжело гремя массивными цепями, существо двинулось к окну, содрогавшемуся под натиском ненастья.

Он замер у проёма. Чуть приподнял голову, и сухие, спутанные пряди скользнули по лицу, подставив бледную кожу ледяным струям ветра и брызгам. Его чёрные, лишённые зрачков глаза глядели безжизненно и пусто. Из этого узкого оконного проёма веяло беспредельным, пугающим одиночеством.

Он казался чужаком, которому не место в этом мире. Земля была огромной, но он не мог ступить туда, куда проникали лучи солнца. Избавь его от этой клетки — он и тогда своими руками возвёл бы глухую стену, лишь бы укрыться в спасительном мраке.

Он медленно протянул руку, впервые высунув ладонь наружу.

Ледяные капли, ударившие по кончикам пальцев, принесли боль. Безжалостный ветер, лизнувший кожу, отозвался резью. Даже прикосновение пустого ночного воздуха кололо ладонь.

Больно. Невыносимо больно, сильнее, чем от укола сотен игл.

«Отчего же так больно?»

В растерянности он уставился на мокрые пальцы, затем коснулся щеки. По лицу невольно покатались слёзы. Против его воли они бежали горячими ручьями, словно кричали в воющем ветре о копившейся годами невыносимой тоске и муке.

Вдруг порыв ветра бросил ему в ладонь опавший лист. Тот был невесомым, сухим, но существо стиснуло его так, словно поймало слиток золота — пальцы задрожали от мнимой тяжести, едва удерживая бесценную ношу.

Острые, пугающе длинные когти тут же сомкнулись. Осторожно, бережно баюкая хрупкий листок на ладони, он принялся разглядывать его со всем возможным тщанием.

И вдруг улыбнулся — совсем как ребёнок, впервые открывший для себя этот огромный мир.

Острый клык полоснул по губе, до крови, до острой вспышки боли. Из глаз вновь брызнули слёзы, шумно закапав на увядшую зелень.

Этот подарок, принесённый вольным ветром, он непременно должен отдать Пэй Чану.

Да, именно ему.

Существо повернулось и двинулось к двери. В его пустых глазах странным, диким образом мешались детская наивность и зловещий, могильный холод.

На часах было четыре утра.

Где-то внизу, в гулкой пустоте дома, мерно отстукивал секунды маятник. Но Пэй Чан всё не возвращался. И неизвестно, вернётся ли вообще.

Аккуратно положив листок на макушку, существо ухватило́сь иссохшей рукой за засов. Рывок — и тяжёлое дверное полотно со скрежетом поддалось, приоткрывшись на несколько дюймов.

Этот резкий звук, вспоровший ночную тишину, заставил автоматически сработать датчики: в коридоре вспыхнул свет. Яркий луч скользнул в щель, выхватив из темноты мертвенно-белое, жуткое лицо.

Длинные костлявые пальцы просунулись наружу. Раздался оглушительный треск рвущегося металла. Под сокрушительным натиском дверная рама повелась, а висевший с той стороны массивный замок смялся, словно сделанный из воска.

Огромный сутулый силуэт протиснулся сквозь искореженную щель и вышел в коридор.

Лязг... Лязг...

Тяжёлые цепи поползли следом, глухо грохоча по ступеням. Смертельно бледные, лишённые капли крови ступни ступали по освещённой лестнице, ведущей из мансарды вниз. С каждым шагом лохмы его волос колыхались, приоткрывая испещрённую багровой сеточкой сосудов шею.

Там, где никто не мог увидеть, на обнажённом бедре белел старый уродливый шрам — имя, выцарапанное на коже собственными ногтями, буква за буквой: Пэй Чан.

Последний след того времени, когда он ещё оставался человеком.

Пэй Чан стоял у панорамного окна своего кабинета. Серая пелена за стеклом не редела — мелкая изморось затягивала небо всё плотнее. Было ясно, что солнца сегодня не дождаться.

Он безжалостно вдавил тлеющий окурок прямо в ладонь, гася огонь о кожу, и, даже не поморщившись, шагнул к выходу.

Старейшина Пэй зашёлся сухим, надсадным кашлем на своей больничной койке. Не меняясь в лице, он промокнул выступившую на губах кровь бумажным платком и глухо произнес:

— Пришёл всё-таки.

На плечах Пэй Чана ещё блестели капли дождя, от него веяло сырым утренним холодом.

— Хочешь мне что-то сказать? — ледяным тоном спросил он, глядя на старика сверху вниз.

Старик повернул к нему изнурённое лицо и слабо усмехнулся:

— Держись лучше, чем я думал.

В его угасающем взгляде сквозило глубокое удовлетворение — так творец смотрит на свой лучший шедевр.

Пэй Чан прикрыл за собой дверь палаты и бесстрастно обронил:

— Ближе к делу. У меня нет времени на твою болтовню.

Бессонная ночь подарила ему слишком много времени для размышлений — он успел взвесить всё, от худшего до самого немыслимого. Не будь этой передышки, он вряд ли сумел бы сейчас сохранить самообладание и не вцепиться старику в горло.

Старейшина Пэй откинулся на подушки и тяжело вздохнул:

— Ты ведь давно не навещался в старое поместье?

Пэй Чан промолчал, продолжая буравить его холодным, застывшим взглядом.

— Тебе стоит съездить туда. Навестить его, — старик уставился на внука в упор.

Пальцы Пэй Чана дрогнули. Ледяной спазм стиснул грудную клетку. Он судорожно сжал кулаки, но прежде чем успел сорваться на крик, дед упредил его:

— Хочешь спросить, знал ли я о художествах Чэнь Сыцин? Знал.

Годы не прибавили этому человеку ни капли милосердия. Под маской старческого благодушия всё так же таилась расчётливая, безжалостная жестокость. Очередное подтверждение того, что старик видит его насквозь, укололо гордость Пэй Чана — он снова шёл на поводу у чужой игры.

Но показывать слабость нельзя. Хватит давать ему поводы думать, будто он всё ещё держит ниточки управления в своих руках.

— Мы ещё договорим, — бросил Пэй Чан и, резко развернувшись, вышел прочь, не удостоив деда вторым взглядом.

Едва захлопнув за собой дверцу автомобиля, он понял, что его руки ходят ходуном. Дрожь была неукротимой. Дикая, пробирающая до костей тревога сдавила грудь так, что сердце готово было выпрыгнуть наружу.

Он мёртвой хваткой вцепился в руль. С лица схлынула вся краска. Близость разгадки, которая вот-вот должна была обрушиться на него, пугала до одури.

С намокших волос за воротник скользнула холодная капля. Дрожь переросла в настоящую судорогу; костяшки пальцев побелели, на тыльной стороне ладоней надулись синие вены. Пэй Чан попытался вставить ключ в зажигание, но промахнулся раз, другой. Он просто не мог завести машину.

Бессилие порождало ярость. Лихорадочная дрожь в теле и паника превращали его в опасного, теряющего контроль безумца.

— Сука! — взревел он, со всей дури ударив ногой по педали газа.

Откинувшись на спинку сиденья, Пэй Чан шумно, прерывисто задышал, уставившись перед собой бешеным взглядом.

Система «Мужчина-мамочка» 7008 открыла было рот, но так и не решилась издать ни звука.

В следующий миг Пэй Чан с размаху влепил себе хлесткую пощечину. Из разбитого уголка губы потекла тонкая струйка крови. Слизнув её, он затравленно сощурился, стиснул зубы и наконец рванул машину с места.

Летя на предельной скорости, он за считанные минуты добрался до старого поместья Пэй. Ворвавшись в холл, он бросил на ходу:

— Вон. Все вон из дома.

Старый дворецкий послушно кивнул и тут же вывел прислугу через чёрный ход.

Пэй Чан застыл на пороге. Дверь осталась распахнутой, и ледяной сквозняк сыпал за шиворот холодную водяную пыль.

Там, на полированной поверхности обеденного стола, лежал конверт. Тот самый, зловещий и слишком хорошо знакомый.

Он словно ждал его.

Сделав шаг, Пэй Чан почувствовал, как онемели ноги. Собственное тело казалось чужим, непослушным, будто разум отделился от плоти и безучастно наблюдал со стороны.

Запрокинув голову, он шумно вдохнул сырой воздух и решительно зашагал к столу. Но стоило пальцам коснуться плотной бумаги, как пальцы вновь затряслись крупной, болезненной дрожью, какая бывает у разбитых лихорадкой покойников.

Стиснув зубы, он рванул обёртку. Полетели обрывки бумаги, и на паркет, плавно покачиваясь в воздухе, опустился одинокий листок.

Пэй Чан потянулся к нему, но пальцы отказывались повиноваться. Он зажмурился, перевёл дыхание, заставил себя сжать ладони в кулаки, чтобы унять дрожь, и наконец поднял листок.

Он знал, что там увидит, готовил себя к этому. Но реальность ударила наотмашь, мгновенно раздавив все жалкие попытки защититься.

С дешёвого чёрно-белого снимка на него смотрел юноша. Тёплая, чистая улыбка застыла на его молодом лице.

Пальцы судорожно стиснули край снимка, сминая бумагу. Кожа на костяшках побелела.

— Цинь Ихэ... — прошептал он.

Имя, которое он столько лет прятал на самом дне души, вырвали наружу вместе с мясом.

Пэй Чан согнулся пополам, тяжело упираясь лбом в край стола. Из глаз брызнули крупные слёзы, оставляя мокрые следы на полированном дереве.

— Цинь Ихэ... Ха-ха... Ха-ха-ха!

Смех этот походил на хрип удушья. В нём звенело безумие пополам с невыносимой, рвущей внутренности болью.

Задыхаясь от этого дикого хохота и рыданий, он сполз на пол. Ноги подогнулись, и он остался стоять на коленях, уткнувшись лицом в ладони.

— Цинь Ихэ...

Казалось, внутренности перекутило раскалённым железом. Он поднял воспалённые, налитые кровью глаза. Голос сорвался на сиплый, надсадный клёкот, словно у него было перерезано горло.

Внезапный приступ кашля вытолкнул из груди сгусток тёмной, густой крови. Сплюнув её на пол, Пэй Чан снова зашёлся безумным, истошным хохотом.

Слёзы капали на смятый снимок, размывая контуры лица.

В этот момент тучи на мгновение разошлись, и робкий, тусклый луч солнца скользнул в окно. Он коснулся склоненной головы Пэй Чана, осветив в его тёмных волосах внезапно проступившую серебряную проседь.

День сменялся ночью, ночь перетекала в рассвет — за стенами дома привычный ход времени оставался неизменным. Но для него эти бесконечные часы ожидания сделались мучительнее, чем все прошедшие десять лет небытия.

Он застыл перед запертой дверью гостиной, вытянувшись во весь свой огромный, пугающий рост. Точно высохший ствол дерева в мёртвом лесу.

В полумраке комнат не горел свет. Вокруг царило безмолвие — ни единого звука, выдающего присутствие живой души. Казалось, и эта усадьба, и он сам давно вычеркнуты из памяти вселенной.

Сцепленные кандалами ладони слабо подрагивали у бёдер. Чёрные провалы глаз мёртво, немигающе уставились в пустоту перед собой.

«Нужно ещё подождать. Совсем немного»

Так он твердил себе из раза в раз.

Ночной ветер с моря ревел во всю мочь, высекая из кончика сигареты редкие алые искры.

Пэй Чан стоял на самом краю бушующей бездны. Тяжёлые, пенные валы с грохотом разбивались о его ноги, заливая брюки до самых колен, но он даже не шевелился.

Внезапно сзади вспыхнули резкие лучи фар. Кто-то истошно закричал с берега, силясь перекрыть гул прибоя. Пэй Чан не обернулся. Окутанный сизым дымом сигареты, он казался призраком, восставшим из пучины.

По мокрому песку зашуршали торопливые шаги. Чьи-то пальцы больно вцепились в его предплечье. Человек явно собирался высказать всё, что думает, но, заглянув в лицо Пэй Чана, подавился словами и лишь испуганно пробормотал:

— Пэй... Вы зачем здесь стоите? Ветер же ледяной.

Ветер и впрямь свирепствовал. Ледяные порывы трепали его отросшие волосы — теперь уже наполовину седые. На безупречно белом воротнике рубашки запеклись бурые пятна крови.

Он не ответил. Лишь затянулся глубоко, медленно выпуская дым.

Державший его мужчина так и не решился выпустить рукав, а прибежавшая следом девушка замерла в отдалении, боясь пошевелиться.

Прилив наступал стремительно. Вода подбиралась всё ближе, ледяные волны уже хлестали по бёдрам. Державший его мужчина стучал зубами от пронизывающего холода, но упрямо оставался рядом, не смея сдвинуться с места.

Когда сигарета догорела до самого фильтра, Пэй Чан не стал швырять окурок в воду. Он привычно затушил его прямо об обожжённую ладонь и аккуратно спрятал в карман брюк.

Этот будничный, жуткий в своей механической монотонности жест заставил его спутника содрогнуться. Он вцепился в Пэй Чана ещё крепче.

— Я просто хотел покурить в тишине, — тихо произнёс Пэй Чан.

Он мягко высвободил локоть и зашагал прочь от набегающих волн.

Мужчина растерянно замер, но тут же бросился догонять его. За считанные минуты ледяной сырой воздух пробрал их до костей. Зубы сводило от судорог, а Пэй Чан шёл ровно и

размеренно, словно прогуливался по аллее парка.

Они по пятам следовали за ним до самой стоянки. Даже когда он сел за руль, парочка не уходила, продолжая тревожно дежурить у капота.

Пэй Чан привычным, отточенным до автоматизма движением пристегнул ремень безопасности — точь-в-точь как делал каждое утро по дороге в офис. Его лицо разгладилось, превратившись в бесстрастную, застывшую маску. Взгляд упёрся в лобовое стекло.

— Спасибо, — хрипло обронил он.

Машина плавно тронулась с места, оставляя их позади. Со стороны могло показаться, будто он действительно забрёл по пояс в ледяной прилив исключительно ради одной затяжки.

Серый асфальт серпантина сменился ровным полотном моста. Встречный ветер хлестал сквозь приоткрытое стекло, нещадно режа лицо.

У горизонта плотная завеса туч начала рваться. Из-за далёких горных вершин медленно выползал слепящий диск солнца. Его торжествующие, резкие лучи пробили облака, заливая мир безжалостным светом, от которого у Пэй Чана заломило в глазах.

Он не кричал, не бил кулаками по рулю. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он просто молча ехал вперёд, пока крупные слёзы катились по щекам и капали на воротник.

К тому времени как слёзы высохли, день уже полностью вступил в свои права. Солнце стояло высоко в зените.

Пэй Чан припарковал машину и вышел на тротуар возле небольшого цветочного павильона.

— Соберите мне букет гардений, — негромко попросил он продавца.

<http://bllate.org/book/20309/2132387>